

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД
7 КЛАСС**

Время выполнения работы – три астрономических часа.

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания.

ЗАДАНИЕ 1. Прочитайте рассказ Маши Вайсман «Лучший друг медуз». Напишите целостный анализ рассказа, отвечая при этом на вопросы (можно отвечать на вопросы в любом порядке):

1. Какую роль играет образ моря в рассказе?
2. Как вы понимаете название рассказа?
3. Почему повествование ведется от первого лица и почему эта история важна для повествователя?
4. Как построена система образов рассказа?

Лучший друг медуз

У моря бывает разное настроение. Мы с Верой научились узнавать его по цвету. Это очень просто. Если море нежных оттенков - голубого, розового и зелёного, значит, оно сонное и играть с нами сегодня не будет. Если краски более яркие, значит, настроение у моря хорошее, игривое, скоро появятся волны и - верхом на них - барашки. А вот когда море действительно становится чёрным, значит, море рассердилось, штормит и купаться нельзя.

Должен заметить, я не большой любитель купаться. Первые две недели я вообще не залезал в воду. Нет, я был совершенно здоров. Причина была другая. Сначала камешки. Они, конечно, красивые, но заходить по ним в воду... Сами попробуйте... Потом в море нагнало тысячи крылатых муравьёв. Откуда они взялись? Я долго ломал голову и пришёл к выводу, что где-то размыло небольшой остров с огромным муравейником.

Но самой главной причиной моего некупания были медузы. Нет, они, конечно, мне нравились, эти прозрачные загадочные медузы, но только издалека. Встречаться с ними в воде мне совсем не хотелось.

- Филя, иди искупайся, - говорила Вера.

- Не хочу, медузы жгутся.

- Они не жгутся, они маленькие и милые, - говорила Вера, похлопывая ладошкой маленькую медузку.

- Они скользкие и противные, - говорил я и был сам себе противен, потому что считал себя другом всех зверей.

- И совсем они не противные, они гладенькие, - говорила Вера, поглаживая медузку на ладони.

- Их просто очень много, - сказал я и решил, что никогда не буду купаться.

Как-то раз я сидел на берегу, читал книгу о морских животных и мечтал встретиться с ними в море. Рядом копошился в воде какой-то мальчишка и громко орал. Я сначала никак не мог понять, чем он занят. Оказалось, он вылавливает медуз, подносит их ко рту и громко кричит. Я не выдержал и спросил:

- Что ты орёшь?

- Я медузам ору в самое ухо, чтобы они сдохли от страха, - сказал мальчишка.

Этого ему показалось мало. Он стал зарывать медуз в горячие камни. Тут уж я заорал:

- Ты что делаешь?! Прекрати сейчас же!

- А чего? - не поворачиваясь, буркнул мальчишка.

- А то! Они живые! Им больно!

- Они плохие, они склизкие.

- Они гладкие, им так легче плавать, - сказал я и почувствовал, что начинаю любить медуз.

- Они не гладкие, а гадкие, - продолжал мальчишка.

- Сам ты гадкий, а медузы очень красивые, они - морские бабочки, - сказал я, пытаюсь разгрести камни и выбросить медузу в море.

- Да ладно тебе, их там и так полно, они купаться мешают. И никакие они не бабочки. Бабочки вот так летают, а эти вот так: бэ-э-э, - и он, растопырив руки-ноги, показал, как плавают медузы.

- Вовсе не так. Они красиво плавают. И тебя не трогают. А ты вообще плавать не умеешь, - сказал я.

- Я-то умею плавать. А вот ты не умеешь, потому что сам медуз боишься, - сказал мальчишка, противно ухмыляясь.

Мне было ужасно неприятно это слышать. Слишком уж было похоже на правду.

- Это я-то боюсь? Сейчас посмотрим, кто чего боится! - Я со всей силы толкнул его в воду.

Он быстро поднялся и стал злобно на меня надвигаться. Я не стал его ждать и с разбегу плюхнулся в море. Я стал грести руками, как краб, а ногами, как лягушка. И вдруг почувствовал, что плыву! Это оказалось так просто. И очень помогли мне медузы, тем, что совсем не мешали. Как будто чувствовали, что теперь я их лучший друг.

Максимальное количество баллов – 30 баллов

ЗАДАНИЕ 2.

В рассказе, который вы только что анализировали, море показано словно живое («Если море нежных оттенков - голубого, розового и зелёного, значит, оно сонное и играть с нами сегодня не будет. Если краски более яркие, значит, настроение у моря хорошее, игривое, скоро появятся волны и - верхом на них – барашки».) Как называется такой прием в литературе? Приведите примеры произведений, в которых явления природы (море, горы, вьюги, грозы и пр.) показаны с помощью такого же приема. Назовите произведение и автора, поясните, о каком фрагменте текста идет речь и коротко поясните, какую роль этот фрагмент играет в произведении.

Максимальное количество баллов – 10 баллов.

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД
8 КЛАСС**

Время выполнения работы – три астрономических часа.

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания.

ЗАДАНИЕ 1. Прочитайте рассказ Маши Вайсман «Лучший друг медуз». Напишите целостный анализ рассказа, отвечая при этом на вопросы (можно отвечать на вопросы в любом порядке):

5. Какую роль играет образ моря в рассказе?
6. Как вы понимаете название рассказа?
7. Почему повествование ведется от первого лица и почему эта история важна для повествователя?
8. Как построена система образов рассказа?

Лучший друг медуз

У моря бывает разное настроение. Мы с Верой научились узнавать его по цвету. Это очень просто. Если море нежных оттенков - голубого, розового и зелёного, значит, оно сонное и играть с нами сегодня не будет. Если краски более яркие, значит, настроение у моря хорошее, игривое, скоро появятся волны и - верхом на них - барашки. А вот когда море действительно становится чёрным, значит, море рассердилось, штормит и купаться нельзя.

Должен заметить, я не большой любитель купаться. Первые две недели я вообще не залезал в воду. Нет, я был совершенно здоров. Причина была другая. Сначала камешки. Они, конечно, красивые, но заходить по ним в воду... Сами попробуйте... Потом в море нагнало тысячи крылатых муравьёв. Откуда они взялись? Я долго ломал голову и пришёл к выводу, что где-то смыло небольшой остров с огромным муравейником.

Но самой главной причиной моего некупания были медузы. Нет, они, конечно, мне нравились, эти прозрачные загадочные медузы, но только издали. Встречаться с ними в воде мне совсем не хотелось.

- Филя, иди искупайся, - говорила Вера.

- Не хочу, медузы жгутся.

- Они не жгутся, они маленькие и милые, - говорила Вера, похлопывая ладошкой маленькую медузку.

- Они скользкие и противные, - говорил я и был сам себе противен, потому что считал себя другом всех зверей.

- И совсем они не противные, они гладенькие, - говорила Вера, поглаживая медузку на ладони.

- Их просто очень много, - сказал я и решил, что никогда не буду купаться.

Как-то раз я сидел на берегу, читал книгу о морских животных и мечтал встретиться с ними в море. Рядом копошился в воде какой-то мальчишка и громко орал. Я сначала никак не мог понять, чем он занят. Оказалось, он вылавливает медуз, подносит их ко рту и громко кричит. Я не выдержал и спросил:

- Что ты орёшь?

- Я медузам ору в самое ухо, чтобы они сдохли от страха, - сказал мальчишка.

Этого ему показалось мало. Он стал зарывать медуз в горячие камни. Тут уж я заорал:

- Ты что делаешь?! Прекрати сейчас же!

- А чего? - не поворачиваясь, буркнул мальчишка.

- А то! Они живые! Им больно!

- Они плохие, они склизкие.

- Они гладкие, им так легче плавать, - сказал я и почувствовал, что начинаю любить медуз.

- Они не гладкие, а гадкие, - продолжал мальчишка.

- Сам ты гадкий, а медузы очень красивые, они - морские бабочки, - сказал я, пытаюсь разгрести камни и выбросить медузу в море.

- Да ладно тебе, их там и так полно, они купаться мешают. И никакие они не бабочки. Бабочки вот так летают, а эти вот так: бэ-э-э, - и он, растопырив руки-ноги, показал, как плавают медузы.

- Вовсе не так. Они красиво плавают. И тебя не трогают. А ты вообще плавать не умеешь, - сказал я.

- Я-то умею плавать. А вот ты не умеешь, потому что сам медуз боишься, - сказал мальчишка, противно ухмыляясь.

Мне было ужасно неприятно это слышать. Слишком уж было похоже на правду.

- Это я-то боюсь? Сейчас посмотрим, кто чего боится! - Я со всей силы толкнул его в воду.

Он быстро поднялся и стал злобно на меня надвигаться. Я не стал его ждать и с разбегу плюхнулся в море. Я стал грести руками, как краб, а ногами, как лягушка. И вдруг почувствовал, что плыву! Это оказалось так просто. И очень помогли мне медузы, тем, что совсем не мешали. Как будто чувствовали, что теперь я их лучший друг.

Максимальное количество баллов – 30 баллов

ЗАДАНИЕ 2.

В рассказе, который вы только что анализировали, море показано словно живое («Если море нежных оттенков - голубого, розового и зелёного, значит, оно сонное и играть с нами сегодня не будет. Если краски более яркие, значит, настроение у моря хорошее, игривое, скоро появятся волны и - верхом на них – барашки».) Как называется такой прием в литературе? Приведите примеры произведений, в которых явления природы (море, горы, вьюги, грозы и пр.) показаны с помощью такого же приема. Назовите произведение и автора, поясните, о каком фрагменте текста идет речь и коротко поясните, какую роль этот фрагмент играет в произведении.

Максимальное количество баллов – 10 баллов.

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД**

9 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: *аналитическое* – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и *творческое* задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам.

Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Фазиля Искандера «Рассказ о море». Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Опорные вопросы:

1. Как Вы понимаете название рассказа?
2. Какую роль играет образ моря в рассказе?
3. Почему события, о которых рассказывается, важны для повествователя?
4. Как в рассказе соединяется драматическое и комическое?

Максимальное количество баллов – 70.

Я не помню, когда научился ходить, зато помню, когда научился плавать. Плавать я научился почти так же давно, как и ходить, но научился сам, а кто учил меня ходить - неизвестно. Воспитывали коллективно. Дом наш всегда был полон всякими двоюродными братьями и сестрами. Они спускались с гор, приезжали из окрестных деревень поступать в школы и техникумы и, поступая, проходили сквозь наш довольно тусклый дом, как сквозь тоннель. Среди них было немало забавных и интересных людей, некоторых я любил, но море мне все-таки нравилось больше, и поэтому я удираю к нему, когда только мог.

Летом море было ежедневным праздником. Бывало, только выйдем с ребятами со двора, а уж какое-то радостное волнение окрыляет шаги - быстрее, быстрее! Через весь город бежали на свидание с морем.

Конец улицы упирался в серую крепостную стену. За стеной - море. Крепость как бы пытается закрыть от города море, но это ей плохо удается. Запах моря, всегда мощный и свежий, спокойно и даже насмешливо проходит сквозь каменную преграду.

Мне кажется, если к старинной стене подвести человека, никогда не видевшего моря, он догадается даже в полный штиль: за стеной живет что-то могучее и прекрасное, и не успокоится, пока не прикоснется к нему.

До революции крепость была тюрьмой, а еще раньше она была собственно крепостью. Из крепости легко сделать тюрьму, а из тюрьмы можно сделать крепость. Среди обломков сохранилась камера, где, говорят, сидел Серго Орджоникидзе, тогда еще фельдшер Гудаутского уезда.

Сквозь приплюснутое узкое оконце он смотрел вдаль как танкист в смотровую щель. Оконце позволяло смотреть только в одну сторону, в сторону моря. Человек, который должен смотреть в одну сторону, или ничего не видит, или видит больше тех, кто вынудил его смотреть в одну сторону. Если бы в долгие часы тюремного одиночества он видел только кусок моря, перечеркнутый железными прутьями, он смирился бы или сошел с ума. Но он видел больше и потому победил.

Обо всем этом мы тогда не думали. Мы проходили через крепостной двор, всегда вкусно пахнущий жареной рыбой, мимо ярко выбеленных рыбацких домиков. Белье, развешанное на веревках, плотно надувалось ветром, близость моря не давала ему покоя, пеленки подражали парусам.

И наконец, море! Огромное и неожиданное, оно врвалось в глаза и обдавало стойкой соленой свежестью. Обычно не хватало терпения дойти до него, и мы сбегали по крутой тропинке на берег и, не успев притормозить, летели в теплую, ласковую воду.

Когда пришла пора искать клады, один мой школьный товарищ шепнул мне, что видел в одном месте в море золотые монеты. Поклявшись никому не говорить об этой тайне, мы расстались до следующего дня. Ночью я плохо спал: ворочался, вскакивал, никак не мог дождаться рассвета. Чуть забрезжило, я встал и на цыпочках выскользнул из дому. Мы встретились у старой крепости. Говорили почему-то шепотом, хотя кругом на полкилометра простирался пустынный пляж. Было по-утреннему зябко, вода тихо плескалась у ног. Мы взобрались на мокрый от утренней сырости обломок крепостной стены и осторожно переползли к его краю. Легли на живот и стали глядеть. Через некоторое время товарищ мой ткнул пальцем в воду. Свесив голову, замирая от волнения, я вглядывался, но ничего не видел, кроме смутного очертания дна.

Но он очень хотел, чтобы я увидел монеты. И я наконец увидел их. Как бы колыхаясь, они таинственно поблескивали сквозь толщу воды. Разглядеть их можно было в короткое мгновение, когда одна волна уже пробежала, а другая еще не подошла.

Мы разделись и начали нырять. Вода еще была очень холодная: дело происходило в апреле или в начале мая. Я несколько раз нырнул, но до дна не достал. Не хватало дыхания, и уши сильно болели.

Я тогда еще не знал, что нырять нужно под углом, а не вертикально, как это я делал. Нырять под углом, проходишь большее расстояние до дна, зато идти легко, а главное - уши привыкают к давлению и не болят.

Каждый раз я почти доныривал до дна. Казалось, только протяни руку – и схватишь монеты, но меня обманывала прозрачность воды. Наконец мне пришлось в голову броситься в воду со скалы, чтобы глубже нырнуть за счет инерции прыжка. Я бухнулся в воду и без труда донырнул до дна. Схватив монеты вместе с горстью песка, я с силой оттолкнулся и вынырнул. Ухватившись рукой за каменный выступ, я осторожно приподнял другую руку. Песок стыдливими струйками стекал с ладони, а на ладони моей блестели две металлические пробки, которыми обычно закрывают бутылки с минеральной водой. Видно, какая-то компания трезво пировала, устроившись на этой каменной глыбе. Дорого же нам обошелся этот нарзаный пир! С трудом продев одеревеневшие руки и ноги в одежду, мы долго подпрыгивали и бегали по берегу, пока не согрелись. Море подшутило над нами.

Я люблю это место. Здесь можно было часами жариться, лежа на скале, лениво следя за дымящими теплоходами или парящими парусниками. В камнях водились крабы, мы их ловили, натывая на заостренный железный прут. Море в этих местах наступает на берег: можно заплыть и метрах в двадцати от берега нащупать ногами ржавый обломок стены, неподвижно стоять на нем по грудь в воде, легким движением рук удерживая равновесие.

Я люблю это место. Здесь я когда-то научился плавать, и здесь же я чуть не утонул. Обычно любишь места, где пережил большую опасность, если она не результат чьей-то подлости. Я хорошо запомнил день, когда научился плавать, когда я почувствовал всем телом, что могу держаться на воде и что море держит меня. Мне, наверное, было лет семь, когда я сделал это великолепное открытие. До этого я барахтался в воде и, может быть, даже немного плавал, но только если я знал, что в любую секунду могу достать ногами дно.

Теперь это было совсем новое ощущение, как будто мы с морем поняли друг друга. Я теперь мог не только ходить, видеть, говорить, но и плавать, то есть не бояться глубины. И научился я сам! Я обогатил себя, никого при этом не ограбив.

Недалеко от берега из воды торчал зеленоватый обломок крепостной стены, через него перекатывались легкие волны. Я доплывал до него, ложился плашмя и отдыхал. Это было похоже на путешествие на необитаемый остров. Впрочем, остров был не такой уж необитаемый. С набегавшей волной иногда выплескивался краб, неуклюже забегал за край скалы и, высываясь из-за камня, следил за мной злыми, хозяйскими глазами. Если глядеть в глубину, можно было заметить каких-то серебристых мальков, которые неожиданно проносились, вспыхивая как искры, выбитые из головешки.

Иногда я ложился на спину и, когда волна перекатывалась через меня, видел диск солнца, качающийся и мягкий.

Вокруг, в воде и на берегу, было много народу. Отдыхающих легко было узнать по неестественно белым телам или искусственно темному загару. На вершине каменной глыбы, громоздившейся на берегу, сидела девушка в синем купальнике. Она читала книгу - вернее, делала вид, что читает, точнее, притворялась, что пытается читать. Рядом с ней на корточках сидел парень в белоснежной рубашке и в новеньких туфлях, блестящих и черных, как дельфинья спина. Он ей что-то говорил. Девушка, иногда откидывая голову, смеялась и шурилась не то от солнца, не то оттого, что парень слишком близко и слишком прямо смотрел на нее. Отсмеявшись, она решительно опускала голову, чтобы читать, но парень опять что-то говорил, и она опять смеялась, и зубы ее блестели, как пена вокруг скалы и как рубашка парня. Он ей все время приятно мешал читать. Я следил за ними со своего островка и, хоть ничего не понимал в таких делах, понимал, что им хорошо. Парень иногда поворачивал голову и мельком глядел в сторону моря, как бы призывая его в свидетели. Он глядел весело и уверенно, как подобает человеку, у которого все хорошо и еще долго будет все хорошо. Мне было приятно их видеть, и я вздрагивал от смутного и сладкого сознания, что когда-нибудь и у меня будет такое.

От долгого купания я продрог, но, не успев как следует отогреться на берегу, снова лез в воду. Я боялся, что чудо не повторится и я не смогу удержаться на воде.

До скалы и обратно - раз. До скалы и обратно - два, до скалы и обратно... И вдруг я понял, что тону. Хотел вдохнуть, но захлебнулся. Вода была горькая, как английская соль, холодная и враждебная. Я рванулся изо всех сил и вынырнул. Солнце ударило по лицу, я услышал всплеск воды, смех, голоса и увидел парня и девушку.

Не знаю почему, выныривая, я не кричал. Возможно, не успевал, возможно, язык отнимался от страха. Но мысль работала ясно. Оттого, что я не мог кричать, было страшно, как это бывает во сне, и я с отчаянной жадной ждал, что парень повернется в сторону моря. Но вдруг у меня в голове мелькнула неприятная догадка, что он не прыгнет в море в таких отутюженных брюках, в такой белоснежной рубашке, что я вообще не стою порчи таких прекрасных вещей. С этой грустной мыслью я опять погрузился в воду, она казалась мутной и равнодушной. Нахлебавшись воды, я опять рванулся, и солнце опять ударило по глазам, и вокруг с удесятенной отчетливостью слышались голоса людей. И тем обидней было тонуть у самого берега.

Второй раз я унырнул немного ближе к обломку скалы, на котором они сидели, и теперь совсем близко увидел туфлю парня, черную, лоснящуюся, крепко затянутую шнурком.

Я даже разглядел металлический наконечник на шнурке. Я вспомнил, что такие наконечники на моих ботинках часто почему-то терялись, и концы шнурков делались пушистыми, как кисточки, и их трудно было продеть в дырочки на ботинках, и я ходил с развязанными шнурками, и меня за это ругали. Вспоминая об этом, я еще больше пожалел себя.

В последний раз погружаясь в воду, я вдруг заметил, что лицо парня повернулось в мою сторону и что-то такое мелькнуло на нем, как будто он с трудом припоминает меня.

"Это я, я! - хотелось крикнуть мне. - Я проплывал мимо вас, вы должны меня вспомнить!" Я даже постарался сделать постное лицо; я боялся, что волнение и страх так исказили его, что парень меня не узнает. Но он меня узнал, и тонуть стало как-то спокойней, и я уже не сопротивлялся воде, которая сомкнулась надо мной.

Что-то схватило меня и швырнуло на берег. Как только я упал на прибрежную гальку, я очнулся и понял, что парень меня все-таки спас. От радости и от тепла, постепенно разливавшегося по телу, хотелось тихо и благодарно скулить. Но я не только не благодарил, но молча и неподвижно лежал с закрытыми глазами. Я был уверен, что мое спасение не стоит его намочшей одежды, и старался оправдаться серьезностью своего положения.

- Надо сделать искусственное дыхание, - раздался голос девушки надо мной.

- Сам очухается, - ответил парень, и я услышал, как хлопнула вода в его туфле.

Что такое искусственное дыхание, я знал и поэтому сейчас же затаил дыхание. Но тут что-то подступило к горлу, и изо рта у меня полилась вода. Я поневоле открыл глаза и увидел лицо девушки, склоненное надо мной. Она стояла на коленях и, хлопая жесткими, выгоревшими ресницами,

глядела на меня жалостливо и нежно. Потом она положила руку мне на лоб, рука была теплой и приятной. Я старался не шевелиться, чтобы не спугнуть ее ладонь.

- Трави, трави, - сказал парень, оборачиваясь ко мне и снимая рубашку.

Рубашка потемнела, но у самого ворота была белой, как и раньше: туда вода не доставала. Когда он заговорил, я понял, что расплаты за причиненный ущерб не будет. Я сосредоточился и "стравил": было приятно, что у меня в животе столько воды. Ведь это означало, что я все-таки по-настоящему тонул.

- Будешь теперь заплывать? - спросил у меня парень, с силой выкручивая снятую рубашку.

Он теперь разделся и стоял в трусах. Ладный и крепкий, он и раздетый казался нарядным.

- Не буду, - охотно ответил я. Мне хотелось ему угодить.

- Напрасно, - сказал парень и еще туже закрутил рубашку.

Я решил, что это необычный взрослый и действовать надо необычно.

Я встал и, шатаясь, пошел к морю, легко доплыл до своего островка и легко поплыл обратно. Море возвращало силу, отнятую страхом. Парень стоял на берегу и улыбался мне, и я плыл на улыбку, как на спасательный круг. Девушка тоже улыбалась, поглядывая на него, и видно было, что она гордится им. Когда я вылез из воды, они медленно шли вдоль берега, и девушка держала в руках свою ненужную, наконец закрытую книгу. Я лег на горячую гальку, стараясь плотнее прижаться к ней, и чувствовал, как в меня входит крепкое, сухое тепло разогретых камней.

Так он и ушел навсегда со своей девушкой, ушел, мимоходом вернув мне жизнь.

ЗАДАНИЕ 2.

Вспомните, что такое классицизм как литературное направление. Классицизм каноничен по своей природе. Интересно, что даже в пейзаже он устанавливает свои законы. Например, правило «трех цветов»: первый план пейзажного полотна должен быть коричневатозеленым или золотистым, теплых оттенков, второй — зеленым, холодных тонов, третий — голубые небеса, обрамленные зеленью или строениями по бокам, как театральными кулисами. Часто возникают другие «действующие лица» — море, берег, античные руины, кроны деревьев, облака — не менее талантливо разыгрывают великолепный спектакль, представляющий перед нашим взором.

Представьте, что вы путешественник 18 века и в своем письме Другу создаете словесный морской пейзаж в духе классицизма (около 100 слов).

Как вы думаете, почему классицисты не очень любили морские пейзажи?

Максимальное количество баллов – 30.

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД**

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа писателя Нины Катерли «Все что угодно». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Максимальный балл - 70 баллов.

Опорные вопросы:

1. **Какую роль в рассказе играет Петербург как место действия?**
2. **Как Вы понимаете название рассказа?**
3. **Что открыл для себя (или в себе) главный герой?**
4. **Как современный обычный человек связан с историей?**

Сергей вдруг понял: надо уходить отсюда. И не то чтобы голова заболела, просто уж очень душно было, тесно от магнитофона, от лезущих в уши крикливых голосов, от необязательных вопросов, на которые тем не менее требовались ответы, тоже необязательные, любые, какие угодно. В передней он оборвал вешалку на чем-то пальто, выдернул из-под серой лохматой шубы свою куртку, кое-как сунул руки в рукава, а шапку надевал уже на лестнице. Эта полутемная лестница, по сравнению с тем, что осталось там, за дверью, уже казалась счастьем - гулкая, прохладная тишина стояла здесь, и он облокотился было на перила и полез в карман за сигаретой, но от только что хлопнувшей двери исходило ощущение опасности: вдруг да откроется и дымный крик полоснет между лопаток.

Хлопнула дверь ниже этажом, и сразу раздалась шаги и голоса.

- Ты же обещал, обещал! - гневно, но как-то беспомощно твердил низкий старческий голос. - Я не понимаю: ведь ты же дал честное слово...

- Что значит "обещал"? - нетерпеливо перебивал молодой, хрипловатый. - Я что - расписку тебе давал тащиться туда на ночь глядя? Думал - смогу, а вот - не сложилось.

- Как так - "не сложилось"? Как может не сложиться, если - честное слово?!

- Ну и дела! Дал слово, так что ж теперь...? Тоже мне пироги...

- На тебя надеялись, а ты обманул...

- Надеяться следует на себя, а не на дядю. Вот так-то... "Слово"! "Обещал"! Болтология! Тебе не пообещай - горло переешь.

- Это... это бесчестно! - выкрикнул старик, и тотчас глухо ударила дверь парадной.

На улице голова - он так и не решил, болела она или не болела там, - сразу стала легкой, только в ушах чуть звенело.

Улица оказалась безлюдной. (Те двое куда-то исчезли - как сквозь землю.) И незнакомой, - сюда приехали оравой на такси и не запомнилось, как ехали, - где-то останавливались, за кем-то заезжали.

Это была унылая улица, полупустая и довольно мрачная. Он попытался разглядеть название, но фонарь горел слабо, а с неба вдруг повалил такой снег, что залепил очки. Да и какая разница, не все ли равно, что ему за дело до названий!

Прохожие попадались редко, засыпанные снегом, озабоченные только одним - как бы скорее оказаться дома. Час был поздний.

Неизвестная улица вывела его в конце концов на ярко освещенную Лиговку, прямо к трамвайной остановке, на которой, отворачиваясь от снега, топтались несколько человек.

Сразу пришел трамвай, но ненужный. Почему-то он вызвал раздражение - полупустой, ярко освещенный, такой комфортабельный и уютный среди снежной ночи, он казался неуместным, что ли, нелепым и лишним. Не успев обдумать, в чем тут дело, протерев сухим концом шарфа стекла очков, Сергей двинулся дальше, прочь от остановки, прочь от этих фонарей, и людей, и свободных такси. Такси тоже чем-то раздражали, хотя денег было достаточно, любое можно было остановить.

Поспешно свернул он в первую попавшуюся улицу, совсем уже темную и безлюдную. Чем-то странной казалась эта улица. Справа слепыми четырехугольниками застыли плечо в плечо неосвещенные дома. Ничего вроде бы удивительного - второй час на исходе, но вот тротуар... Что-то в нем было непривычное, и Сергей тут же понял - что: ни одного следа. И не потому, что сейчас падает снег, а давно никто не ходил, - глубокий, чистый сугроб тянется вдоль домов, точно не тротуар это вовсе, а газон какой-то. Настоящая зима стояла в городе вот уже неделю, а между тем только кончался ноябрь.

Темные дома на мгновение озарились зеленоватым светом, в простенке над низким двухэтажным зданием вспыхнули какие-то буквы и исчезли. Но - ничего таинственного, все очень просто: капитальный ремонт, вся та сторона улицы нежилая. А эта?.. Снова полыхнуло зеленое зарево. "СТРАХ" - прочитал Сергей в черном небе и усмехнулся - реклама Госстраха где-то по соседству. Почему ее на ночь не выключили?

Усмехнулся и прибавил шагу.

Ну, а эта сторона - тоже пустая? Нет, здесь жили. Кое-где в окнах еще горел свет, к парадным по снегу протоптаны были тропинки, хотя сейчас их на глазах заметало снегом.

Четкая тоненькая цепочка следов извилисто бежала вдоль пустого тротуара вперед, в темноту. Это были очень частые, маленькие следы с узкими носами и какие-то легкие - только отпечатки по снегу.

Сергей посмотрел и никого не разглядел. Желтые полосы были редкими, метель плотными клубами катилась навстречу.

Однако прошли совсем недавно. Если бы давно, замело бы следы, а они вон какие ясные. И тут совсем близко, шагах в десяти, среди снега и тусклого света мелькнул силуэт. Узкий, нечеткий, будто размытый. Кто-то семенил, чуть скособочившись, чуть припадая на палку. Длинная юбка, белый платок... или шапка это?.. Исчезла... Там просто тьма непроглядная до следующего фонаря. Свет падал на тротуар из окон первого этажа, и снова забрезжила темная фигура.

Он шел теперь быстро, всего несколько шагов их разделяло. Это была старуха, совершенно точно, старуха, худая, сутулая, даже, пожалуй, сгорбленная. Наверное, очень старая, хотя и шла легко. Снова темнота сделала ее почти невидимой, но расстояние совсем уже сократилось, Сергей видел старуху даже там, где не было фонарей.

И куда ее несет в такую позднь, в такую темень? Ветрено, скользко... Как бы в подтверждение его мыслей старуха вдруг вздрогнула, взмахнула руками и опрокинулась навзничь.

"Этого мне только не хватало", - подумал он, но тут же шагнул вперед и склонился над старухой. Она лежала на спине, отбросив в сторону руку с зажатой в ней палкой. Маленькие глубокие глаза были открыты, губы сжаты. Сергей стоял в нерешительности, и тут губы шевельнулись, открылись.

- Ничего страшного, просто поскользнулась. Помогите мне подняться, прошу вас.

Зачем-то сперва он поднял ее на руки. Старуха казалась совсем легкой и неподвижной. Мгновение подержав ее на весу, Сергей затем осторожно поставил ее на ноги и стал стряхивать снег с длинного пальто.

- Не надо, не надо, дружок, - слабо протестовала старуха. - Благодарю вас...

Голос был приятный - старческий, но чистый и легкий. Она чуть-чуть грассировала, и оттого в речи слышался непонятный какой-то акцент.

- Вы ушиблись. Может быть - такси? - предложил он, но старуха замахала узкой ладонью в светлой перчатке.

- Нет, нет. Боже сохрани. Этого не нужно! Да мне и идти-то пустяки.

- Тогда я провожу вас, - решил он и крепко взял ее под локоть.

Дошли они быстро. По дороге старуха молчала, сосредоточенно глядя под ноги. А метель вдруг кончилась. Редкие тонкие снежинки вспыхивали в воздухе и тут же пропадали, небо сделалось совсем черным и холодным, звезды проступили над пустыми домами. Только зеленый "СТРАХ" загорался поминутно, но не казался назойливым и ярким - глаза привыкли.

- Нам сюда. Прошу вас, - голос старухи звучал теперь торжественно и церемонно. - Прошу вас, - настойчиво повторила она.

Они стояли перед тяжелой резной дверью старинного трехэтажного особняка. Окна второго этажа, три... нет, четыре окна были освещены, снег у подъезда - утопан, от ворот на улицу вели две узкие колеи. А вон и следы лошадиных подков, совсем недавние. Редко теперь такое встретишь, забавная какая улица, забавная старуха, интересный дом.

- Благодарю вас, зайду с удовольствием, - ответил Сергей и низко поклонился. И даже вроде шаркнул ногой.

"Что это я? Точно в спектакле. Конформист..." - мелькнуло в голове. Они уже поднялись по широкой, плохо освещенной лестнице. Старуха позвонила. Хрипловатое звяканье колокольчика слышалось за дверью, потом - быстрые шаги.

- Ах, Аглая Николаевна, наконец-то! - розовая девушка в белом переднике и с кружевом на темных волосах снимала со старухи пальто.

- Помогите гостю, Наташа, - голос старухи стал низким и властным.

- Я сам, спасибо, что вы! - но Наташа уже была тут как тут, приняла куртку, шарф и шапку положила на столик возле большого зеркала. В этом зеркале Сергей увидел себя, в этом дурацком свитере и джинсах, с покрасневшим носом и растрепанными волосами. А рядом, за плечом... Нет, она не превратилась в сказочную принцессу, в молодую красавицу, хотя, наверное, он и этому бы не удивился, она осталась старухой, блестяли сединой волосы, морщина между бровей разрезала лоб. Но осанка! Но гордое это лицо, нос с горбинкой, прямая высокая шея!..

Старуха поймала в зеркале его взгляд и улыбнулась. Почти незаметно, только брови чуть дрогнули. Тонкой, совсем еще белой рукой поправила она волосы, сверкнула у ворота блестящая брошь.

"Платье-то. Как на картинах старых мастеров", - подумал Сергей и разозлился на себя за банальность.

Старуха опять взяла его под руку, из коридора они шагнули в комнату, и тут уж он не знал, чему удивляться, на что смотреть, что вообще думать обо всем об этом.

Слабо шевелились желтоватые язычки свечей. Человек в ливрее с галунами на цыпочках двигался от одного канделябра к другому, снимал щипцами нагар. Над креслами с расшитой обивкой, с золочеными ножками, около маленьких столиков, около громадных китайских ваз с живыми розами - голоса, звуки рояля из-за стены, какие-то фразы... по-французски, что ли... улыбки, руки в блестящих перстнях, белые чьи-то плечи, страусовые перья веера. Он вслушался. Странно - оказывается, он понимал все, что они говорили, хотя и не знал никогда французского. Совсем молоденькая девушка у окна... какая красавица!.. рассказывает лысому старичку, высовывающемуся из кресла, точно из гнезда, как она поскользнулась на уроке танцев у Жоржа и... Она смеется, и старичок, покивав острой, птичьей головкой, тут же принимается что-то бормотать о маневрах, о каком-то сикурсе, о ретираде и глупце квартирмейстере.

А другой старик - в черном фраке со звездой, к нему обращаются почтительно "ваше превосходительство" - вполголоса беседует о чем-то с молодым офицером... Постой, постой... Ну, конечно, это гусарский мундир на нем. Или - драгунский? Только и знаю, что гусар или драгун! Серость. Наверное, все же гусарский, вон и усы у него, как у гусара.

- Какое, право, мальчишество! Безрассудство! - низким, взволнованным голосом говорил старик со звездой. - Имей в виду: твоя выходка может иметь самые дурные последствия.

- Я дал слово и буду там завтра, - тихо ответил юноша.

- Но зачем? Имей в виду, тебе придется оставить полк. Карьере твоей конец, ты подумал об этом?

- Я дал слово.

- Это я слышал. Ну, что ж... Ты поступил глупо, давая слово, а теперь собираешься сделать еще одну глупость. Не понимаю... Что тебе господин Добролюбов? Почему ради этого... сомнительного... литератора ты собираешься поставить под удар всю свою жизнь?

- Завтра...

- Это ты уже мне объяснил: завтра двадцать пять лет со дня его смерти. Прекрасно. Ну и что? Ты-то здесь при чем?!

- Я обещал...

- Кому?! Зачем?! Я не помню, чтобы ты так уж часто навещал могилу собственного отца, а вот на могилу этого молодого человека, где завтра соберется всякий сброд...

- Это - мои друзья, и я прошу вас не говорить так о них.

- Дело не в них, их я, слава богу, не имею чести знать. Но ты! Ты - офицер, дворянин. Ты что, разделяешь убеждения этого Добролюбова? Сомневаюсь. Думаю даже, что ты не имеешь понятия, в чем они состоят.

- Я уважаю всякого, кто имеет хоть какие-то убеждения.

- Весьма похвально. Только стоит ли ради этого губить жизнь?

- Я дал слово, - опять повторил гусар. Впрочем, может быть, никакой он и не гусар вовсе, а только молодец парень, и лицо симпатичное, открытое и твердое, а ведь мальчишка еще совсем.

За стеной чей-то голос запел очень знакомый романс, сегодня утром Сергей его слышал по радио, но названия не помнил.

- Ах, как поет... - вздохнул маленький старичок в кресле и потянулся за шампанским - лакей застыл перед ним с подносом.

В комнате стало неожиданно тихо. Сергей оглянулся. Все замерли с поднятыми бокалами.

- Что это с вами, мой милый? - услышал он рядом старухин голос. Она коснулась прохладной рукой его щеки. В комнате снова звучали голоса. А голова кружилась, и Сергей плохо уже понимал, кто говорит, о чем.

Он подошел к окну и отодвинул белую шелковую портьеру. На улице опять мело. Даже домов на той стороне не было видно, только снег да темнота. И вдруг - какой-то свет. Он взгляделся - будто карета в две лошади с фонарями и лакеем на запятках мелькнула мимо окон да и пропала.

Он уже ничего не пытался себе представить, не старался понять. Он почувствовал внезапно, что очень устал, что больше ничего не произойдет - и пора.

Старуха не удерживала. Она молчала, когда в коридоре он поцеловал ей руку. Только наклонилась и сухими губами прикоснулась к его лбу.

Утром ничего страшного не произошло. Голова не болела и не кружилась, сознание было ясным.

"Что же это со мной приключилось? - думал он, лежа в постели. - Сон? Или бред? Меня разыграли?"

С улицы в комнату светило яркое зимнее солнце.

"Ну ладно - костюмы, свечи... Все это несложно устроить. Но карета на улице? Тоже розыгрыш? Или гипноз? Встать сейчас, пойти туда и все проверить. Только куда идти? Я ведь и адреса не посмотрел, как называлась та улица - не знаю. Теперь, конечно, окажется, что ее невозможно найти, а если и найду, выяснится, что нету такого дома или в нем никто не живет. Читал я где-то похожие истории, и они всегда кончались так. Впрочем, к чему выдумывать? Надо идти и попытаться отыскать".

На мгновение стало не по себе - а стоит ли искать, что-то подсказывало, что не нужно бы. Но Сергей отогнал эту мысль.

До Лиговки он добрался на трамвае и вышел как раз на той остановке, где стоял ночью. Он сразу узнал эту остановку - рядом, в сквере, висела афиша кинотеатра, которую он заметил вчера.

Поперечные улицы были теперь другими, не мрачными и вовсе не таинственными, проста унылыми... Не та улица. И эта - тоже... А тут? Разбитые грязные стекла, заколоченные двери, покрытый снегом тротуар. Здесь!

Сергей почти бежал. Прохожие оборачивались и глядели вслед почему-то с осуждением. Два раза он чуть не упал, поскользнувшись, и едва не пробежал мимо двери маленького старинного особняка. Но сердце вдруг ухнуло, поднялось к самому горлу, и он остановился.

Лестница была та же, с широкими ступенями, с причудливыми, в завитушках, перилами. И звонок прозвучал так же - колокольчиком. И так же быстро распахнулась дверь.

Наташа смотрела на него холодно и удивленно из-под тонких, нарисованных бровей. Синий тренировочный костюм был ей мал и вытянулся на коленях пузырями. Розовая косынка плохо прикрывала железные трубки бигуди. - Вам кого, товарищ? - спрашивала она уже, наверное, в третий раз, а он стоял перед ней и молчал. Потом очнулся.

- Мне... Аглая Николаевна... дома? - спросил и даже зажмурился, сейчас она скажет с недоумением "кто?" и захлопнет дверь. Но она пропустила его в темный коридор, постучала, крикнула: "Это к вам! Наверное, из собеса", - и исчезла. Сергей вошел в комнату.

Все выглядело так же, как ночью. Те же кресла и столики, и вазы с цветами, и белые шторы на окнах. И хозяйка в глубоком кресле у окна.

- Вам что, голубчик? - Маленькие глубокие глаза смотрели издаലെка, сухие скрюченные пальцы теребили полу ветхой, заношенной кофты. И тут же он увидел, что цветы в вазах мертвые, пыльные и сухие. Это были искусственные цветы, те, что продают старухи возле кладбищенских ворот.

Из-под лопнувшей обивки стульев кое-где клоками вылезала серая вата, остатки позолоты тускло поблескивали на спинках кресел, на ножках столиков.

- Как же?.. Что же?.. - повторял он, пятясь к двери.

- Ничего, ничего! - выдохнула старуха. - Все верно...

Она встала и выпрямилась, поправила волосы, и голос ее зазвучал властно:

- А теперь ступайте.

- Простите, - сказал он совсем тихо.

Со стариком Сергей столкнулся на лестнице. Задыхаясь, останавливаясь чуть не на каждой ступеньке, "его превосходительство" поднимался, волоча сетку с какими-то кулками. Не было ни фрака, ни звезды, и невозможным казалось даже представить их под поношенным, без цвета, пальто.

- Он был там? - тихо спросил Сергей.

- Он дал слово, - ответил старик, продолжая подниматься.

...Узкая колея сворачивала по снегу к воротам, и Сергей заглянул во двор. Двор был как двор, самый обыкновенный - бачки для мусора, кривобокая скамейка в углу. А рядом - деревянные ворота-двери чьего-то гаража. Раньше здесь был, наверное, каретный сарай.

И тут в гараже вдруг заржала лошадь. Тоненько и весело, будто смеялась. И вторая ответила ей басом.

Западал снег. Медленно спускался он с неба и покрывал двор, и колею, и скамейку, и его опущенные плечи, и волосы (он так и не надел шапку), и эту странную улицу, где в такую погоду может привидеться все что угодно.

ЗАДАНИЕ 2.

Вспомните, что такое романтизм как литературное направление. Что такое двоемирие? Вы прочитали рассказ, в котором герой словно оказался в другом мире. Во многих романтических произведениях герои оказываются в параллельном мире. Можно ли считать этот рассказ романтическим?

Вспомните и назовите романтические произведения (автор и название), герои которых во сне или в особом состоянии оказывались словно в другом мире, какую роль играет такой «переход» в произведениях?

Максимальное количество баллов – 30.

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД**

11 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Владимира Набокова «Круг». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать свой путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

- 1.Какую роль играет тема памяти в рассказе? Как меняется мироощущение человека на протяжении его жизни?**
- 2.Какую роль играют вещи в рассказе?**
- 3.Как можно объяснить смысл названия рассказа?**
- 4. Сопоставьте этот рассказ с другими произведениями, в которых поднимается данная проблематика.**

Максимальный балл – 70 б.

Во-вторых: потому что в нем разыгралась бешеная тоска по России. В-третьих, наконец, потому что ему было жаль своей тогдашней молодости и всего связанного с нею злости, неуклюжести, жара, и ослепительно-зеленых утр, когда в роще можно было оглохнуть от иволог. Сидя в кафе и все разбавляя бледнеющую сладость струей из сифона, он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью с какой грустью? да с грустью, еще недостаточно исследованной нами. Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью, и медленно восстал, расправил плечи покойный его отец, Илья Ильич Бычков, *le maotre d'йcole chez nous au village*¹, в пышном черном галстуке бантом, в чесучовом пиджаке, по-старинному высоко застегивающемся, зато и расходящемся высоко, цепочка поперек жилета, лицо красноватое, голова лысая, однако подернутая чем-то вроде нежной шерсти, какая бывает на вешних рогах у оленя, множество складочек на щеках, и мягкие усы, и мясистая бородавка у носа, словно лишний раз завернулась толстая ноздря.

Гимназистом, студентом, Иннокентий приезжал к отцу в Лешино на каникулы, а если еще углубиться, можно вспомнить, как снесли старую школу в конце села и построили новую. Закладка, молебен на ветру, К. Н. Годунов-Чердынцев, бросающий золотой, монета влипает ребром в глину... В этом новом, зернисто-каменном здании несколько лет подряд и до сих пор, то есть по зачислении в штат воспоминаний светло пахло клеем; в классах лоснились различные пособия - например, портреты луговых и лесных вредителей... но особенно раздражали Иннокентия подаренные Годуновым-Чердынцевым чучела птиц. Извольте заигрывать с народом. Да, он чувствовал себя суровым плебеем, его душила ненависть (или казалось так), когда, бывало, смотрел через реку на заповедное, барское, кондовое, отражающееся черными громадами в воде (и вдруг молочное облако черемухи среди хвой).

Новая школа строилась на самом пороге века: тогда Годунов-Чердынцев, возвратясь из пятого своего путешествия по Центральной Азии, провел лето с молодой женой был ровно вдвое ее старше в своем петербургском имении. До какой глубины спускаешься. Боже мой! в хрустально-расплывчатом тумане, точно все это происходило под водой. Иннокентий видел себя почти младенцем, входящим с отцом в усадьбу, плывущим по дивным комнатам, отец движется на цыпочках, держа перед собой скрипучий пук мокрых ландышей, и все как будто мокро: светится, скрипит и

¹ Школьный учитель у нас в деревне (франц.)

трепещет и ничего больше нельзя разобрать, но это сделалось впоследствии воспоминанием стыдным цветы, цыпочки и вспотевшие виски Ильи Ильича стали тайными символами подбострастия, особенно когда он узнал, что отец был выпутан "нашим барином" из мелкой, но прилипчивой, политической истории угодил бы в глушь, кабы не его заступничество.

Таня говаривала, что у них есть родственники не только в животном царстве, но и в растительном, и в минеральном. И точно; в честь Годунова-Чердынцева названы были новые виды фазана, антилопы, рододендрона, и даже целый горный хребет (сам он описывал главным образом насекомых). Но эти открытия его, ученые заслуги и тысяча опасностей, пренебрежением к которым он был знаменит, не всех могли заставить относиться снисходительно к его родовитости и богатству. Не забудем, кроме того, чувств известной части нашей интеллигенции, презирающей всякое неприкладное естествоиспытание и потому упрекавшей Годунова-Чердынцева в том, что он интересуется "Лобнорскими козьяками" больше, чем русским мужиком. Его реальный образ оставался смутным: рука без перчатки, бросающая золотой (а еще раньше при посещении усадьбы – хозяин смешался с голубым калмыком, встреченным в зале). Засим Годунов-Чердынцев уехал в Самарканд или в Верный (откуда привык начинать свои прогулки); долго не возвращался, семья же его, по видимому, предпочитала крымское имение петербургскому, а по зимам жила в столице. Там, на набережной, стоял их двухэтажный, выкрашенный в оливковый цвет особняк. Иннокентию случилось проходить мимо: помнится, в цельном окне, сквозь газовый узор занавески, женственно белелась какая-то статуя, сахарно-белая ягодица с ямкой. Балкон поддерживали оливковые круторебрые атланты: напряженность их каменных мышц и страдальческий оскал казались пылкому восьмикласснику аллегорией поработенного пролетариата. И раза два, там же на набережной, ветреной невской весной, он встречал маленькую Годунову-Чердынцеву, с фокстерьером, с гувернанткой, они проходили как вихрь, но так отчетливо, Тане было тогда, скажем, лет двенадцать, она быстро шагала, в высоких зашнурованных сапожках, в коротком синем пальто с морскими золотыми пуговицами, хлеща себя чем? кажется, кожаным поводком по синей в складку юбке, и ледоходный ветер трепал ленты матросской шапочки, и рядом стремилась гувернантка, слегка поотстав, изогнув каракулевый стан, держа на отлете руку, плотно вделанную в курчавую муфту. Он жил у тетки (портнихи) на Охте, был угрюм, несходчив, учился тяжело, с надсадом, с предельной мечтой о тройке, но неожиданно для всех с блеском окончил гимназию, после чего поступил на медицинский факультет; при этом благоговение его отца перед Годуновым-Чердынцевым таинственно возросло. Одно лето он провел на кондиции под Тверью; когда же, в июне следующего года, приехал в Лешино, узнал не без огорчения, что усадьба за рекой ожила.

Еще об этой реке, о высоком берегу, о старой купальне: к ней, ступеньками, с жабой на каждой ступеньке, спускалась глинистая тропинка, начало которой не всякий отыскал бы среди ольшаника за церковью. Его постоянным товарищем по речной части был Василий, сын кузнеца, малый неопределимого возраста – сам в точности не знал, пятнадцать ли ему лет или все двадцать коренастый, корявый, в залатанных брючках, с громадными босыми ступнями, окраской напоминающими грязную морковь, и такой же мрачный, каким был о ту пору сам Иннокентий. Гармониками отражались свай в воде, свиваясь и развиваясь; под гнилыми мостками купальни журчало, чмокало; черви вяло шевелились в запачканной землей жестянке из-под монпансье. Натянув сочную долю червяка на крючок, так, чтобы нигде не торчало острие, и сдобрив молодца сакраментальным плевком, Василий спускал через перила отягощенную свинцом лесу. Вечерело; через небо протягивалось что-то широкое, перистое, фиолетово-розовое, воздушный кряж с отрогами, и уже шныряли летучие мыши – с подчеркнутой беззвучностью и дурной быстротой перепончатых существ. Между тем рыба начинала клевать, и, пренебрегая удочкой, попросту держа в пальцах лесу, натуженную, вздрагивающую, Василий чуть-чуть подергивал, испытывая прочность подводных судорог,...

Особенно же бывало хорошо в теплую пасмурную погоду, когда шел незримый в воздухе дождь, расходясь по воде взаимно пересекающимися кругами, среди которых гам и сям появлялся другого происхождения круг, с внезапным центром, прыгнула рыба или упал листок, сразу, впрочем, поплывший по течению. А какое наслаждение было купаться под этим теплым ситником, на границе смешения двух однородных, но по-разному сложенных, стихий – толстой речной воды и тонкой воды небесной! Иннокентий купался с толком и долго потом растирался полотенцем. Крестьянские

ребятишки, те барахтались до изнеможения, наконец выскакивали и, дрожа, стуча зубами, с полоской мутной сопли от ноздри ко рту, натягивали штаны на мокрые ляжки.

В то лето он был еще угрюмее обычного и с отцом едва говорил, все больше отбуркиваясь и хмыкая. Со своей стороны Илья Ильич испытывал в его присутствии странную неловкость, особенно потому, что полагал, с ужасом и умилением, что сын, как и он сам в юности, живет всей душою в чистом мире.... Комната Ильи Ильича: пыльный луч солнца; на столике, сам его смастерил, выжиг узор, покрыл лаком, в плюшевой рамке фотография покойной жены, такая молодая, в платье с бортами, в кушаке-корсетике, с прелестным овальным лицом (овальность лица в те годы совпадала с понятием женской красоты): рядом стеклянное пресс-папье с перламутровым видом внутри и матерчатый петушок для вытирания перьев; в простенке портрет Льва Толстого, всецело составленный из набранного микроскопическим шрифтом "Холстомера". Иннокентий спал в соседней комнате, на кожаном диване. После долгого, вольного дня спалось превосходно; случалось однако, что иная греза принимала особый оборот, сила ощущения как бы выносила его из круга сна, и некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из брезгливости двинуться.

По утрам он шел в лес, зажав учебник под мышку, руки засунув за шнур, которым подпоясывал белую косоворотку. Из-под сдвинутой набок фуражки живописными, коричневыми прядями волосы налезали на бугристый лоб, хмурились сросшиеся брови, был он недурен собой, хотя чересчур губаст. В лесу он усаживался на толстый ствол березы, недавно поваленной грозой (и до сих пор всеми своими листьями трепещущей от удара)...., заграждал книгой путь торопившимся муравьям или предавался мрачному раздумью. Юноша одинокий, впечатлительный, обидчивый, он особенно остро чувствовал социальную сторону вещей. Так, ему казалось омерзительным все, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых.... Иннокентий, все с той же книгой под мышкой, что мешало сложить руки крестом, как хотелось бы, стоял, прислонясь к дереву в парке, и сумрачно глядел на то, на се, на сверкающую крышу белого дома, который еще не проснулся...

В первый раз, кажется, он их увидел с холма: на дороге, холм огибающей, появилась кавалькада, впереди Таня, по-мужски верхом на высокой, ярко-гнедой лошади, рядом с ней сам Годунов-Чердынцев, неприметный господин на низкорослом, мышастом иноходце; за ними англичанин в галифе, еще кто-то; сзади Танин брат, мальчик лет тринадцати, который вдруг пришпорил коня, перегнал всех и карьером пронесся в гору, работая локтями, как жокей.

После этого были еще другие случайные встречи, а потом... Ну-с, пожалуйста: жарким днем в середине июня...

Жарким днем в середине июня по сторонам дороги размашисто двигались косари, то к правой, то к левой ключице прилипла рубашка, "Бог помощь", сказал Илья Ильич, проходя; он был в парадной панаме, нес букет ночных фиалок. Иннокентий молча шагал рядом, вращая ртом (лушил семечки). Приближались к усадьбе. На площадке для игры в лоун-теннис тот же глухой розовый старичок в фартуке макал кисть в ведро и проводил, согнувшись до земли и пятясь, толстую сливочную черту. "Бог помощь", сказал Илья Ильич, проходя.

Стол был накрыт в аллее, русский пятнистый свет играл на скатерти. Экономка, в горжетке, со стальными, зачесанными назад волосами, уже разливала шоколад по темно-синим чашкам, которые разносили лакеи. Былолюдно и шумно в саду, множество гостей - родственники и соседи. Годунов-Чердынцев (весьма пожилой, с желтовато-пепельной бородкой и морщинами у глаз), поставив ногу на скамью, играл с фокстерьером, заставляя его прыгать, собака не только прыгала очень высоко, стараясь хапнуть мокрый мячик, но даже ухитрялась, вися в воздухе, еще подвытянуться, с добавочной судорогой всего тела. Елизавета Павловна шла через сад с другой дамой, всплескивая руками, что-то живо на ходу рассказывая, высокая, румяная, в большой дрожащей шляпе. Илья Ильич с букетом стоял и кланялся... В пестром мареве (ибо Иннокентий, несмотря на небольшую репетицию гражданского презрения, проделанную накануне, находился в сильнейшем замешательстве) мелькали молодые люди, бегущие Дети, чья-то шаль с яркими маками по черному, второй фокстерьер, а главное, главное; скользящее сквозь тень и свет, еще неясное, но уже грозящее роковым обаянием, лицо Тани, которой исполнялось сегодня шестнадцать лет.

Уселись. Он оказался в самом тенистом конце стола, где сидевшие не столько говорили между собой, сколько смотрели, все одинаково повернув головы, туда, где был говор и смех, и великолепно

ный, атласисто-розовый пирог, утыканный свечками, и восклицания детей, и лай обоих фокстерьеров, чуть не прыгнувших на стол... а здесь как бы соединялись кольцами липовой тени люди разбора последнего: улыбавшийся как в забытьи Илья Ильич; ... девица в воздушном платье, пахнувшая потом от волнения; старая француженка с недобрыми глазами, державшая под столом на коленях незримое крохотное существо, изредка звеневшее бубенчиком... Соседом Иннокентия оказался брат управляющего,...; Иннокентий разговаривал с ним только потому, что смертельно боялся молчать, и хотя беседа была изнурительная, он с отчаяния за нее держался, зато позже, когда уже зачастил сюда и случайно встречал беднягу, не говорил с ним никогда, избегая его, как некую западню или воспоминание позора.

Вращаясь, медленно падал на скатерть липовый летунок.

Там, где сидела знать, Годунов-Чердынцев громко говорил через стол со старухой в кружевах, говорил, Некоторое время Иннокентий боролся с сочным кусочком пирога, очутившимся вне тарелки, и вот, от неловкого прикосновения, перевалившимся и под стол, малиновый увалень (там его и оставим). Илья Ильич все улыбался впустую, обсасывал усы; кто-то попросил его передать печенье, он залился счастливым смехом и передал. Вдруг над самым ухом Иннокентия раздался быстрый задыхающийся голос: Таня, глядя на него без улыбки и держа в руке мяч, предлагала хотите с нами пойти? и он жарко смутился, выбрался из-за стола, толкнув соседа, не сразу мог выпростать правую ногу из-под общей садовой скамейки.

О ней говорили: какая хорошенькая барышня; у нее были светло-серые глаза под котиковыми бровями, довольно большой, нежный и бледный рот, острые резцы, и когда она бывала нездорова или не в духе, заметны становились волоски над губой. Она страстно любила все летние игры, во все играла ловко, с какой-то очаровательной сосредоточенностью, и, конечно, само собой прекратилось простодушное ужение пескарей с Василием, который недоумевал, что случилось? появлялся вдруг, около школы, под вечер, и манил Иннокентия, неуверенно осклабясь и поднимая на уровень лица жестянку с червями, и тогда Иннокентий внутренне содрогался, сознавая свою измену народу.

Между тем, от новых знакомых радости было мало. Так случилось, что к центру их жизни он все равно не был допущен, а пребывая на ее зеленой периферии, участвуя в летних забавах, но никогда не попадая в самый дом. Это бесило его; он жаждал приглашения только затем, чтобы высокомерно отказаться от него, да и вообще все время был начеку, хмурый, загорелый, лохматый с постоянной игрой челюстных желваков, и всякое танино слово как бы отбрасывало в его сторону маленькую тень оскорбления, и Боже мой, как он их всех ненавидел, ее двоюродных братьев, подруг, веселых собак... Внезапно все это бесшумно смешалось, исчезло, и вот, в бархатной темноте августовской ночи, он сидит на парковой калитке и ждет; покальывает засунутая между рубашкой и телом записка, которую, как в старых романах, ему принесла босая девчонка. Лаконический призыв на свидание показался ему издевательством, но все-таки он поддался ему – и был прав: от ровного шороха ночи отделился легкий хруст шагов. Ее приход, ее бормотание ... были для него чудом. Сквозь деревья горела огромная, быстро поднимавшаяся луна. Обливаясь слезами,..., Таня говорила, что завтра уезжает с матерью на юг, и что все кончено, о, как можно было быть таким непонятливым... "Останьтесь, Таня", взмолился он, но поднялся ветер, она зарыдала еще пуше... Когда же она убежала, он остался сидеть неподвижно, слушая шум в ушах, а погода пошел прочь по темной и как будто шевелившейся дороге, и потом была война с немцами, и вообще все как-то расплзлось, но постепенно стянулось снова, и он уже был ассистентом профессора Бэра (Behr) на чешском курорте, а в 1924 году, что ли, работал у него же в Савойе, и однажды кажется в Шамони попался молодой советский геолог, разговорились, и, упомянув о том, что гут пятьдесят лет тому назад погиб смертью простого туриста Федченко (исследователь Ферганы!), геолог добавил, что вот постоянно так случается: этих отважных людей смерть так привыкла преследовать в диких горах и пустынях, что уже без особого умысла, шутя, задевает их при всяких других обстоятельствах и к своему же удивлению застаёт их врасплох, вот так погибли и Федченко, и Северцев, и Годунов-Чердынцев, не говоря уже об иностранных классиках, Спик, Дюмон-Дюрвиль... А еще через несколько лет Иннокентий был проездом в Париже и, посетив по делу коллегу, уже бежал вниз по лестнице, надевая перчатку, когда на одной из площадок вышла из лифта высокая сутуловатая дама, в которой он

мгновенно узнал Елизавету Павловну. "Конечно, помню вас, еще бы не помнить", - произнесла она, глядя не в лицо ему, а как-то через его плечо, точно за ним стоял кто-то (она чуть косила). "Ну, пойдете к нам, голубчик", продолжала она, выйдя из мгновенного оцепенения, и отвернула носком угол толстого, пресыщенного пылью, мата, чтобы достать из-под него ключ. Иннокентий вошел за ней, мучась, ибо никак не мог вспомнить, что именно рассказывали ему по поводу того, как и когда погиб ее муж.

А потом пришла домой Таня, вся как-то уточнившаяся за эти двадцать лет, с уменьшившимся лицом и подобранными глазами, сразу ..., засмеялась, без стеснения вспоминая с ним то отдаленное лето, и он все дивился, что и Таня, и ее мать не поминают покойного и так просто говорят о прошлом, а не плачут навзрыд, как ему, чужому, хотелось плакать, или может быть держали фасон? Появилась бледная, темноголовая девочка лет десяти, "А вот моя дочка, ну пойди сюда", - сказала Таня, суя порозовевший окурочек в морскую раковину, служившую пепельницей. Вернулся домой Танин муж, Кутасов, и Елизавета Павловна, встретив его в соседней комнате, предупредила о госте на своем вывезенном из России, домашнем французском языке: "Le fils du maotre d'йcole chez nous au village"², и тут Иннокентий вспомнил, как Таня сказала раз подруге, намекая на его (красивые) руки, "regarde ses mains"³, и теперь, слушая, как девочка, с чудесной, отечественной певучестью отвечает на вопросы матери, он успел злорадно подумать: "Небось, теперь не на что учить детей иностранному", т. е. не сообразил сразу, что ныне в этом русском языке и состоит как раз самая праздная, самая лучшая роскошь.

Беседа не ладилась; Таня, что-то спутав, уверяла, что он ее когда-то учил революционным стихам о том, как деспот пирует, а грозные буквы давно на стене уж чертит рука роковая. "Другими словами, первая стенгазета", - сказал Кутасов, любивший острить. Еще выяснилось, что танин брат живет в Берлине, и Елизавета Павловна принялась рассказывать о нем... Вдруг Иннокентий почувствовал: ничто-ничто не пропадает, в памяти накопляются сокровища, растут скрытые склады в темноте, в пыли, и вот кто-то проезжий вдруг требует у библиотекаря книгу, не выдававшуюся двадцать лет. Он встал, простился, его не очень задерживали. Странно: дрожали ноги. Вот какая потрясающая встреча. Перейдя через площадь, он вошел в кафе, заказал напиток, привстал, чтобы вынуть из-под себя свою же задавленную шляпу. Какое ужасное на душе беспокойство... А было ему спокойно по нескольким причинам. Во-первых, потому что Таня оказалась такой же привлекательной, такой же неуязвимой, как и некогда.

ЗАДАНИЕ 2.

В рассказе, который вы анализировали, большую роль играет предметный мир.

Напишите статью в Литературоведческий энциклопедический словарь, которая называется «Предметный мир в литературе». Обратите внимание на жанр статьи в энциклопедии, на то, что роль предметных деталей меняется в разных литературных направлениях, у разных писателей. Помните, что в энциклопедических статьях всегда важны примеры.

Максимальное количество баллов – 30.

² Сын школьного учителя у нас в деревне (франц.)

³ Посмотри на его руки (франц.)